

Чу Ван попрощался с коллегами, едва сдерживая гнев, однако к тому времени, как он добрался до ведомства, буря в его душе понемногу утихла.

Выходка Мэн Чэньхуэя была омерзительной, но, по правде говоря, она мало на что могла повлиять. Ему стоило лишь черкнуть пару строк главе округа Цанбэй, и все рассказы сказителя-недоучки пресеклись бы в одно мгновение.

К тому моменту, когда министр склонился над бумагами, раздражение почти полностью испарилось, и остаток рабочего дня прошёл на удивление продуктивно. Домой он возвращался, уже и не вспоминая о нелепых слухах.

Поскольку работа над исправлением архивов наконец подошла к концу, Чу Ван освободился непривычно рано. Чэн Янь ещё не было дома.

В их поместье, где жили всего два хозяина, царил тишина: уклад был прост, а слуг держали ровно столько, сколько требовалось для поддержания порядка. Едва Чу Ван переступил порог, как охранник вручил ему письмо, пришедшее из округа Цанбэй. Взглянув на имя отправителя, юноша понял, что это послание от Чэн Цайцзюня, отца его супруга. Он не стал распечатывать конверт, а лишь отложил его в сторону.

Делать было нечего, и Чу Ван решил заглянуть на кухню. Ему захотелось самому приготовить пару несложных блюд, чтобы встретить любимого человека совместным ужином. Повара, давно привыкшие к тому, что их господа время от времени любят похозяйничать у плиты, лишь почтительно поклонились, не выказывая ни тени удивления.

Закончив с готовкой и распорядившись подавать на стол, Чу Ван отправился в комнату, чтобы сменить официальное платье, пропахшее кухонным чадом. Стоило ему снять верхнее одеяние, как дверь отворилась — на пороге стоял запыленный после долгого дня Чэн Янь.

Их взгляды встретились, и в следующее мгновение они уже крепко обнимали друг друга.

Мужчина явно был рад этой встрече, в его голосе звучало неприкрытое веселье:

— Ты сегодня подозрительно рано.

Чу Ван кивнул и, мягко высвободившись из объятий, принялся помогать супругу раздеться.

— С делами в ведомстве покончено. Впереди несколько дней заслуженного отдыха.

Чэн Янь послушно развёл руки, позволяя сменить дорожное платье на лёгкий домашний халат.

Пока Чу Ван затягивал на его талии пояс, тот шутливо ущипнул его за подбородок и с притворным вздохом заметил:

— Какая жалость. У меня-то как раз начинается самая горячая пора. Боюсь, не продохну до самой зимы.

Министр, уклоняясь от его пальцев, со смехом отпрянул и с любопытством спросил:

— Что случилось? Неужели в торговом доме возникли проблемы?

Пока они беседовали, Чэн Янь успел помочь ему привести себя в порядок.

— Ты ведь слышал, что Министерство финансов наконец решило провести отбор для звания Императорских купцов?

Чу Ван кивнул:

— Об этом толковали не один год, но, кажется, лёд тронулся. В министерстве только об этом и говорят.

— Мой торговый дом сейчас крепко стоит на ногах, — продолжал Чэн Янь, увлекая его за собой к выходу. — Я решил, что пришло время побороться за место в этом списке.

Юноша взглянул на него снизу вверх:

— Я могу чем-то помочь?

Чэн Янь не удержался и снова ущипнул его за щеку.

— Конечно. Подари мне поцелуй для вдохновения.

Чу Ван лишь выразительно промолчал. За годы совместной жизни он давно привык к подобным бесстыдным выходкам, поэтому лишь невозмутимо отвёл взгляд и потянул супруга за рукав в сторону столовой:

— Идем уже, ужин остынет.

Чэн Янь не стал больше подначивать его.

В своё время, когда Чу Ван отложил экзамены на три года из-за траура, его партнер не терял

времени даром: он отправился в Цанбэй и начал собирать собственный торговый караван. Тогда Чэн Цзинь пытался подставить его, подменив качественные продукты для ресторана гнильем, чтобы выставить брата виноватым перед гостями. Но Чэн Янь даже не стал вступать в эту грызню — пока брат плёл свои интриги, он просто передал все дела в ресторане отцу.

Когда козни Чэн Цзиня раскрылись, Чэн Янь уже собрал вещи и покинул дом. Оставшийся не у дел интриган выслушал всё, что о нём думал разгневанный Чэн Цайцзюнь, и был навсегда отстранён от управления. Глава семейства, который уже подумывал о покое, был вынужден снова вернуться к делам.

Отец всегда был снисходителен к сыновьям, но даже его терпению пришёл конец, когда он понял, что младший готов рискнуть репутацией семейного дела ради жалкой мести. С того дня он больше не допускал его к торговле. Позже окончательно опустившийся Чэн Цзинь пристрастился к игре, чем окончательно разбил отцу сердце.

Тем временем в округе Цанбэй Чэн Янь шаг за шагом создавал свою торговую империю. К тому моменту, когда Чу Ван стал Аньшоу на окружных экзаменах, его караван уже превратился в грозную силу.

Это был пик его делового успеха, но стоило любимому собраться в столицу, как Чэн Янь, не задумываясь, распустил половину людей и отправился следом на север с теми немногими, кто согласился последовать за ним. Каждый переезд означал необходимость начинать всё с нуля, и Чу Ван не хотел, чтобы супруг приносил такие жертвы. Однако в глазах Чэн Яня никакие деньги не стоили возможности быть рядом с ним. В этом споре министру пришлось уступить.

Первое время в столице Чэн Яню часто приходилось уезжать с караванами на два-три месяца. Но как только положение Чу Вана при дворе упрочилось, он осел в городе, превратив своё дело в один из крупнейших торговых домов страны. Теперь его гильдия объединяла сотни торговых путей, а филиалы были открыты в каждом округе.

За ужином муж пересказывал забавные случаи, произошедшие в торговом доме, и Чу Ван вдруг вспомнил о письме.

— Ах да, пришло послание от твоего отца.

Чэн Янь между делом спросил:

— И что старик пишет?

— Я не открывал. Сам посмотришь.

— Хорошо, — спокойно отозвался он. — Гляну позже.

Чу Ван сделал пару глотков супа и, помедлив, поднял глаза на супруга:

— А-Янь... может, всё-таки заберём отца в столицу?

Чэн Янь закончил с едой и неспешно вытер губы салфеткой.

— Ты ведь знаешь, дело не во мне. Старик упрям как осел и наотрез отказывается переезжать.

Юноша вздохнул:

— Это ведь всё из-за того... что случилось с Чэн Цзинем?

Чэн Янь пристально посмотрел на него.

— Ты считаешь, я должен был его спасти?

Тот осекся и покачал головой.

— Нет. Забудь. Не будем об этом.

Он тоже закончил трапезу. Чэн Янь первым поднялся из-за стола:

— Где письмо? Посмотрю сейчас.

— На столе в гостиной.

Через мгновение из соседней комнаты донёлся голос супруга:

— Нашёл.

Послышался шорох вскрываемого конверта и шаги. Чу Ван хотел было встать, но муж уже подошёл сзади и крепко обхватил его за плечи. Министр вздрогнул от неожиданности, а затем невольно улыбнулся:

— Что ты делаешь?

Проведя вместе столько лет, они научились чувствовать малейшие перемены в настроении друг друга. Чэн Янь уткнулся подбородком в макушку юноши, не разжимая рук.

— Ты сердишься?

Чу Ван запрокинул голову, встречаясь с ним взглядом.

— Нет, я не сержусь. Просто... Чэн Цзинь твой брат. Я понимаю, почему ты не стал его выручать, и не виню тебя за это. Мы с ним чужие люди.

Чэн Янь молча смотрел на него. Казалось, время обходило этого человека стороной: годы не состарили его, а лишь придали облику благородную глубину, оставив взгляд таким же чистым и ясным.

Спустя минуту Чэн Янь заговорил:

— Как я мог его спасти? Он убил человека в игорном доме. Совершил это с такой жестокостью, что у свидетелей кровь стыла в жилах. Это произошло на глазах у толпы, вину невозможно было скрыть. К тому же как раз тогда проходила проверка местных чинов. Сколько бы денег я ни предложил, никто бы не посмел его выпустить под таким надзором. Единственным, кто мог бы повлиять на дело, был ты.

Чу Ван открыл рот:

— Если бы я вмешался...

— Нет, — отрезал Чэн Янь. — Это легло бы несмываемым пятном на твою репутацию. Если бы узнали, что столичный министр покрывает убийцу в провинции, твоей карьере пришёл бы конец.

Чу Ван тихо спросил:

— Так ты отказал отцу только ради меня?

Тот вернулся к письму:

— Можно сказать и так.

Была и другая причина: Чэн Янь помнил тот, изначальный сюжет мира, где Чэн Цзинь причинил Чу Вану столько боли. Пусть в этой жизни ему не дали шанса совершить злодеяние, Чэн Янь никогда не испытывал к нему симпатии. Порочную натуру трудно изменить: Чэн Цзинь сам выбрал путь порока, проиграл всё в кости и в порыве ярости лишил жизни человека. Чэн Яню не нужно было плести интриги — брат сам вырыл себе могилу. И спасти его ценой доброго имени Чу Вана он не собирался.

Пробежав глазами строки, Чэн Янь произнёс:

— После осеннего суда Чэн Цзиня казнят. Новый начальник уезда Битань прибыл вместе с главой округа — он из бывших подчиненных губернатора и судит железной рукой. Отец пишет, что пытался задействовать связи, но ничего не вышло. Он потерял половину состояния на взятках... Кажется, теперь он смирился.

Чу Ван помрачнел:

— Отцу сейчас нелегко.

Чэн Янь продолжил читать:

— Он решил уехать из Битани после казни. Хочет перебраться в другое место, открыть небольшую лавочку с лапшой и жить тихой жизнью вместе с наложницей Хуа. Просит не уговаривать его ехать в столицу.

Юноша помолчал и негромко ответил:

— Раз он так решил — пусть будет так.

Чэн Янь аккуратно сложил письмо.

— Всё, не бери в голову. Мы сделали всё, что могли. Каждый сам несёт свой крест.

Чу Ван не стал возражать. Он видел, что муж, при всей внешней приветливости, на самом деле был холоден к своей семье. В его поступках порой сквозило безразличие, словно кровные узы не имели для него большого веса.

Впрочем, его забота о самом Чу Ване всегда была искренней. Юноша ловил себя на мысли, что в его душе тоже живёт капля эгоизма: зная, на какие жертвы Чэн Янь пошёл ради него, он чувствовал не только вину, но и странное ликование. Супруг отдалился от родных, но стал ближе к нему одному. Чу Ван понимал, что это чувство неправильно, но Чэн Янь был его единственным близким человеком, и жажда обладания брала своё.

Вскоре события в уезде Битань подошли к своему законному финалу. Чэн Янь продолжал каждый год посылать отцу деньги и подарки. Говорили, что Чэн Цайцзюнь обосновался в небольшом городке и преуспел в своём скромном деле. Он прославился своей добротой, часто помогая беднякам и сиротам, и в день его кончины проводить его в последний путь собрались толпы людей. Но всё это случилось много лет спустя.

На седьмой год службы Чу Вана Чэн Янь официально получил звание Императорского купца. В тот год лишь пять человек во всей стране удостоились этой чести.

А вскоре после этого на министра снова подали жалобу.

На этот раз цензор во всеуслышание заявил, что господин министр подозрительно дружен с видным Императорским купцом, и заподозрил их в тайных сделках.

Чу Вану пришлось во второй раз давать объяснения перед государем. Когда он официально представил своего супруга, в тронном зале воцарилась такая тишина, что было слышно падение иголки. Гул изумления не смолкал ещё очень долго.

<http://bllate.org/book/15870/1500043>